

ВИКТОР
ДЕРЖАВИН

АГЕНТУРНАЯ
РАЗВЕДКА

«ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ОГОНЬ»

ЧАСТЬ 11

Литрес

Агентурная разведка

Виктор Державин

**Агентурная разведка. Часть
11 «Дружественный огонь»**

«Автор»

2023

Державин В.

Агентурная разведка. Часть 11 «Дружественный огонь» /
В. Державин — «Автор», 2023 — (Агентурная разведка)

Продолжение серии «Агентурная разведка». В художественной форме расскажу о повседневной жизни и работе. Не сложно и кратко о корпоративных войнах, интригах на работе и параллельной жизни. В корпоративных войнах есть правила их ведения? Читали о том, как они ведутся в других странах? Не сложно и не много о законах ведения бизнеса в самой передовой экономике мира. О производственных проблемах, о шестерёнках, которые крутят все механизмы в «трудовых коллективах». Не много, совсем в общих чертах о Government Relations. О том, как реально это работало в то время. Не много о людях и их ценностях. О разных людях и разных ценностях. Не только про врага, но и про своих.

© Державин В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Державин

Агентурная разведка. Часть 11 "Дружественный огонь"

Предисловие

Во внешней военной разведке бывают случаи «дружественного огня»?

«Дружественный огонь» – так в США называют непреднамеренные обстрелы своих войск и войск союзников.

У нас тоже прижился этот термин, но советские офицеры в Афганистане больше пользовались термином «огонь по своим».

Не такая уж редкость во всех армиях мира. Но про свою армию я писать не очень хочу. Об этом и так многие пишут, особенно когда очень хочется доказать, «какие русские дураки».

Во всех армиях к таким происшествиям очень плохо относятся, естественно. В Афганистане это считалось «чрезвычайным происшествием», и каждый командир подразделения от взвода и выше знал, что такое ЧП относится к «Перечню № 1», соответственно, такое о нём докладывается немедленно министру обороны и начальнику Генерального штаба. Далее проводится расследование, и его результаты доводятся приказом министра обороны, который изучают офицеры армии и флота, в части касающейся для различных категорий. Со всеми вытекающими из этого происшествия последствиями для виновных офицеров и генералов...

В армиях России и США случаи «дружественного огня» тщательно скрываются. В Советской армии полное табу на огласку подобных случаев. Но не всегда это получается, и кое-что становится известно общественности.

В общем, в обеих армиях при гигантских различиях есть много похожего. Поскольку я русский и при этом патриот, то расскажу о том, что и американцы бывают дураки во время боевых действий. А про свою армию нагло (в данном случае) промолчу и не стану приводить документально засвидетельствованные примеры. Но как это работало в Советской армии, немного подсвечу – поверхностно и без особой конкретики. Это моё решение.

Американцы, чрезвычайно болезненно относящиеся даже к минимальным потерям живой силы, поражение своих войск и военной техники от своего же огня расценивают как весьма негативное, из ряда вон выходящее событие – это преступление на поле боя. Бывают реальные сроки для виновных лиц. Как правило, этими виновными оказываются офицеры оперативных и разведывательных отделов (управлений) штабов разного уровня. В американской классике это выглядит так: виновен, как правило, начальник оперативного отделения штаба бригады или помощник начальника штаба полка и командир полковой (бригадной) разведки (в нашей организационно-штатной структуре аналогично начальнику разведки полка). В общем, в обеих армиях под маховик наказаний попадают офицеры уровня капитан-майор, реже подполковник, в исключительных случаях – полковник, и практически никогда не попадают под наказание генералы. Наказание командиров в таких случаях практически исключено. Всякие там политологи и журналисты именуют таких преступников «стрелочниками». Не знаю, на самом деле они (эти журналисты и блогеры) такие тупые или специально ими прикидываются, но в обеих армиях круг виновных устанавливается, на мой взгляд, правильно, и истинные виновники определяются безошибочно.

У меня у самого был опыт попадания под «дружественный огонь». Командир самоходной гаубичной артиллерийской батареи получил приказ поставить заградительный огонь, который я сам запросил с целью оторваться от «воинов ислама» и совершить манёвр. Для этого передал

свои точные координаты начальнику штаба своего батальона, который, произведя нормальные расчёты, понял, что силами нашей батальонной миномётной батареи задачу не решить, и запросил огонь артиллерийского дивизиона бригады. Позднее расследование установило, что начальник штаба батальона передал точные координаты, где именно поставить заградительный огонь, в оперативное отделение штаба бригады.

В оперативном отделении штаба бригады, опираясь на эти координаты, назначили только центральную точку для установки заградительного огня дежурной гаубичной артиллерийской батареей и отдали боевое распоряжение в артиллерийский дивизион. Но дежуривший на командном пункте дивизиона начальник разведки артиллерийского дивизиона, лейтенант, после бессонной ночи решает, что из мотострелкового батальона в штаб бригады пришли координаты противника, и сдвигает будущий «веер» дежурной гаубичной артиллерийской батареи ближе к позициям моего увязшего в бою взвода, связанного огнём противника. То есть сдвигает линию огня ближе ко мне, «сжирает» минимальное безопасное удаление почти полностью.

Лейтенант (как потом выяснилось) сначала вообще подумал, что в штабе бригады уже получилось двойное приращение безопасного удаления, и сократил это безопасное удаление точно до координат моей командирской БМП, которую я обозначил как центр взвода и точку моего стояния – командирскую. Но, к счастью, потом пересчитал всё и пришёл к итоговым выводам. Стратег!

Этот лейтенант... Он же самый умный(!), и его учили в высшем артиллерийском командном училище, что пехота (общевоисковые командиры) – конченные тупицы («пехота тупорылая») и не чета им, войсковой интеллигенции («белая кость»).

Благо командир дежурной гаубичной батареи при расчёте данных для стрельбы не делал «полную» подготовку данных для стрельбы (это довольно длинные и непростые расчёты при тех приборах расчёта) – поленился, а сделал «сокращённую» подготовку данных для стрельбы – соответственно, пристрелочный разрыв снаряда основного орудия батареи был со спасительным перелётом примерно в 100 метров от одной из моих БМП. То есть командир батареи умышленно вывел первый выстрел на перелёт. С тем чтобы потом внести корректуру по наблюдению знака разрыва, который он услышит от меня.

Но что из себя представляют осколки гаубичного снаряда, мы узнали... Естественно, я, не стесняясь, прямо в эфире наградил этого «полководца» отборными словами из командирского лексикона и на всякий случай обозначил себя оранжевыми дымами (дедовский и очень надёжный способ в эпоху до БПЛА и прочих штучек). А опытный командир батареи выскочил на своей командно-штабной машине на удалённый пригорок в стороне и лично увидел мои дымы. Разумеется, он перепугался до ужаса (это отнюдь не шуточки!). Взялся с усердием лично считать все свои «фиктивные реперы» (он его сам создал чуть не попав в меня и от него начал считать – так надёжно), а так же косинусы, синусы, тангенсы, котангенсы, уровни и вееры. Лично!

Кто виноват? Лейтенант – начальник артиллерийской разведки артиллерийского дивизиона. И слава богу, что «уставший» от службы и совсем не молодой капитан – «вечный залётчик» – командир гаубичной артиллерийской батареи решил не делать полные расчёты (очень муторное дело при тех приборах расчёта в советскую эпоху) и был уверен, что в силу своего многолетнего опыта и знаний на третьем пристрелочном выстреле он запросто выведет огонь основного орудия батареи куда надо, а дальше – дело техники: командир батареи рассчитает нужный «веер» на все орудия батареи, и мне обеспечат как минимум полтора километра заградительного огня по фронту. Я отойду и совершу нужный манёвр, причём безопасно.

И что этот лейтенант?

Мой комбат назначил наказание ему через его командира дивизиона: пять бутылок водки – дефицитнейший и наиценнейший в Афганистане товар в самый разгар антиалкогольного

безумия в СССР. Правда, мне досталась одна бутылка... Комбат у меня был не промах, я его очень уважал.

Сам я позже при встрече с тем лейтенантом чуть не набил ему лицо (морду), но он вовремя извинился, и... в итоге я пожал ему руку. А командир гаубичной батареи? Старого капитана... поблагодарил. Причём от души. За что? За его лень и сдержанность, некоторую апатию, недоверие ко всем и принцип «себе на уме».

Для чего я так подробно? Для того чтобы вы могли понять, как это работает или работало в то время в войсках. В тогдашней нашей армии абсолютно все случаи «дружественного огня», обошедшиеся без жертв, никогда не станут известны за пределами полка или бригады. Это не только система круговой поруки. Даже вовсе не она самая. Это система лжи и обмана вышестоящего начальства и... показуха. Кстати, она устраивала тогда и командиров на всех уровнях, и их подчинённых.

Но всегда эти действия носили неумышленный, непреднамеренный характер. Иное представить себе было невозможно! В противном случае – неминуемая и немедленная смерть предателя, которую в бригаде (полку) выдадут за гибель в бою с врагом или несчастный случай. Ничего иного в Афганистане в моё время быть не могло. Такие у нас в бригаде «тупорылой пехоты» были нравы в те далёкие времена. С таким мировоззрением я тогда жил и не думал даже его менять – это мой внутренний стержень!

Тем не менее ни одно боевое задействование и американских войск не обходилось без таких потерь. Не стала исключением и весенняя 2003 года военная кампания США и Великобритании против Ирака.

Сразу после её завершения американское военное руководство вынуждено было признать наличие таких случаев.

Позднее независимые специалисты провели анализ случаев «дружественного огня» в ходе упомянутой военной операции.

Как известно, активная фаза этой операции, начиная со вторжения на иракскую территорию в конце марта, продолжалась всего 26 суток. И за это время было отмечено беспрецедентное количество случаев огня по своим – «дружественного огня». Независимые эксперты написали о 17 таких случаях, американское военное командование настаивает на 11. Хотя и этого вопиюще много: почти через день открывался огонь по своим!

Вот ведь как бывает! И никто их «дураками» не обзывает.

Особенно скрываемым армейским командованием фактом является обстрел штурмовиком американских ВВС А-10 морских пехотинцев при так называемой битве за Насирию 23 марта, в результате чего погибли сразу девять американских морских пехотинцев.

Ещё один случай из особо скрываемых: атака вертолётки корпуса морской пехоты США АН-1W «Кобра» с применением ПТУР AGM-114 «Хеллфайр» танка M1A1 «Абрамс» и интенсивный бой американских морских пехотинцев друг с другом, который, правда, привёл лишь к ранению одного из них(!) – вот такие они бывают, пехотинцы, в непосредственном ближнем огневом бою.

В официальные сводки «дружественного огня» вошли:

- уничтожение американскими зенитными комплексами американского и британского истребителей-бомбардировщиков;

- уничтожение одним британским танком «Челленджер-2» другого британского «Челленджер-2»;

- неоднократные обстрелы американскими военнослужащими друг друга, а также несколько инцидентов с открытием огня самолётами своих ВВС по американским и британским пехотинцам.

Во как врут, сволочи!

Почему американские генералы пытались скрыть даже относительно «безобидные» четыре случая обстрела принадлежавшей сухопутным войскам США БМП «Брэдли» М2 и других американских бронированных машин и танков?

Потому что произошло это при задействовании разрекламированной, специально разработанной и испытываемой в ходе операции в Ираке системы опознавания «свой-чужой» FBCB2-BFT, призванной если и не исключить совсем, то хотя бы снизить до минимума вероятность обстрела одних бронированных машин союзников другими. Деньги! Пресловутые money, money, money.

Кто-то сэкономил на системе «свой-чужой» деньги (скорее, как говорили у нас в Афганистане, «скоммуниздил»). Случилась война, и не удалось скрыть трагедию. Кто виноват? Тот, кто «свистнул» money, money, money и тем самым организовал «дружественный огонь» по своим в этих четырёх случаях (или больше?).

А в остальных случаях?

В остальных случаях это проблемы и сбои работы автоматизированной системы управления объединённой (межвидовой) группы войск (сил). То есть деньги. Те же самые money, money, money.

То есть различия в причинах «дружественного огня» в армиях США и СССР (России) очевидны. Вообще ничего общего. Но... Ни одного умышленного случая «дружественного огня» – это абсолютно общее. Ничего подобного ни в США, ни в нашей армии.

В то время я не знал ни одного случая «дружественного огня» в системе русской нелегальной военной разведки.

Глава 1

Через несколько дней после того как я передал генералу Крупину небольшую по объёму информацию о своём новом китайском агенте, получил ответ из ГРУ о том, что моему агенту присвоен псевдоним «Марк».

Мою просьбу о сокрытии агента восприняли нормально. Я связал это с тем, что они ещё не представляли, какой объём информации он будет нам передавать. Причём совершенно бесплатно. Видимо, не восприняли всерьёз мою очередную вербовку с учётом её полной безвозмездности. Бесплатно хорошо не бывает. Так считалось, и не без оснований.

Вместе с тем ГРУ прислало два первоначальных адреса электронной почты, на которые мой новый агент «Марк» отправит стыковочные сообщения. Далее уже сами офицеры управления связи ГРУ будут выстраивать всю логику связи с ним, формально будет считаться, что он передал мне информацию, но на самом деле меня в этой цепочке связи нет и не будет.

Встретился с Джоном и передал ему стыковочную схему связи для последующего установления информационного обмена уже с учётом постоянно развивающихся моделей связи ГРУ.

Через несколько дней пришло сообщение от генерала Крупина. Он просит срочную встречу. Полученные сообщения от «Марка» явно его шокировали. В сообщении генерала прямо написано, что информация доложена руководству. Выбор места встречи за мной.

Я примерно знал, о чём там шла речь, так как Джон при очной встрече дал мне почитать несколько страничек, которые были у него распечатаны. Кроме прочего, там было такое, что меня просто поразило до самого основания.

Дело в том, что в НОАК, как и ранее в Советской Армии и ВМФ, существуют до сих пор политорганы. Информация, направленная в ГРУ, касалась организационно-штатной реформы этих самых армейских политорганов. И не просто так. Это связано было с новыми функциями надзора компартии Китая за деятельностью командиров всех уровней в соответствии какими-то там решениями какого-то там Пленума компартии Китая. Оказалось, что китайские армейские политработники получили право беспрепятственной проверки своих командиров (которым, кстати говоря, подчинены) всех аспектов их личной жизни. Приведу пример.

Командир полка или бригады может завести себе любовницу. В самом по себе этом факте нет ничего предосудительного, по мнению КПК. Я уже знал о таком подходе и не переставал удивляться. Но... Командир полка или бригады должен об этом сообщить своему замполиту, причём письменно и своевременно. Своему заместителю по политической части! Просто шок! Если не сообщил, то это очень крупное нарушение, и командира ждут кары небесные. Далее замполит может запросить сведения о расходах на любовницу или информацию о месте встречи с ней. Может приехать и проверить. Если там только эта любовница – то всё нормально. Продолжайте, «товарищ командир»! А если там есть вторая, «незадекларированная», то опять «залёт». При этом замполит оценит затраты на гостиницу или ресторан, посмотрит, чем командир угощает девок, и так далее. Ни при каких обстоятельствах замполит не имеет права разглашать эту информацию и высказывать своему командиру своё отношение к происходящему.

Для любого, кто помнит КПСС и Советскую Армию, это нокаут, это не уложится вообще в голове.

Китайцы – это реально другая цивилизация. Я бы не смог быть разведчиком в КНР. Это совершенно точно.

Казалось бы, что звучит это всё как шутка, но на самом деле информация имела гигантский практический потенциал, и, ознакомившись с ней, я засомневался в том, есть ли в НОАК единоначалие. Формально – несомненно. А реально?

Некоторые требования китайской партии коммунистов по результатам этого их Пленума были чётко прописаны: политорганам строгойше запрещалось вмешиваться в боевое и оперативное управление своих командиров и штабов, им строгойше запрещалось вмешиваться в вопросы боевой и оперативной подготовки. А вот в вопросы тыла и технического обеспечения им предписывалось очень сильно вникать и докладывать, не вмешиваясь.

Кроме прочего, в этих первых сообщениях «Марка» была информация о снятии с должности и увольнении из армии огромного количества начальников политуправлений войсковых объединений и соединений НОАК. Также там содержались характеристики и подробные фактические данные вновь назначенных китайских офицеров и генералов-политработников. Несомненно, это ценно.

Я поинтересовался у «Марка», почему он выбрал эту тематику первого своего сообщения. Он пояснил, что это самая актуальная информация, так как Пленум ЦК КПК прошёл совсем недавно, и это первые итоги реализации его решений, совсем свежие.

Эти первые сообщения показывали серьёзность моего нового агента и его отличную осведомлённость.

Я не сомневался, что ГРУ тут же запросит у «Марка» что-то, что моих коллег по китайскому направлению больше интересует, и далее у них уже выстроится работа.

Поэтому запрос генерала Крупина о новой и срочной встрече воспринял как должное.

Мы с Вильте давно хотели поехать в отпуск в Мексику на Плайя-дель-Кармен. Никаких препятствий у нас не было. Рекламные проспекты туристических агентств гласили: «Пару десятилетий назад неизвестная рыбацкая деревушка в одночасье превратилась в один из наиболее популярных и фешенебельных курортов Карибского бассейна. Европейский шик весьма сочетается с развязной тусовочной атмосферой. Белоснежный песок и тёплое солнце обеспечивают курорт тысячами гостей из всего мира круглый год, а любители экотуризма с удовольствием посещают местные национальные парки, чтобы хотя бы ненадолго погрузиться в буйство настоящей тропической природы.

Для поклонников более насыщенного отдыха организовываются семичасовые туры по местным лагунам и заливам, а также по подземным рекам. Ночью можно остаться на острове и влиться в ритм фольклорного шоу с факельным представлением, а можно отправиться в ночной круиз на одном из ярко горящих всеми огнями кораблей. Текила на таких кораблях никогда не заканчивается, а колоритные карибские ритмы продолжают разрывать ночную тишину вплоть до самого рассвета».

Хорошее место смешаться с туристами из Европы и США.

Мне и Вильте пришли сообщения от наших начальников.

У Вильте тоже будет встреча с генералом Александровым. Генералы согласовали между собой все вопросы. Встречи будут отдельными.

У меня встреча в одном из национальных парков. Крохотный пляж. А мы в тени деревьев, над пляжем, в пятидесяти метрах от небольшой стоянки для машин.

Я подробно рассказал генералу Крупину о том, как и что вышло с Джоном. Периодически он меня перебивал. Кое-что уточнял и подробно расспрашивал.

– Кто он, Виктор?

– Не скажу. Это мой агент, и только мой. На кону жизнь моей семьи. Я не скажу. Вы должны понимать, что если что-то случится, то винить мне некого. Не надо, прошу вас.

– Ты не первый в такой ситуации и не последний. Поэтому я не буду требовать от тебя сообщить его имя. Но ты должен «Марка» прямо и недвусмысленно предупредить, что в случае твоего провала его ждёт смерть, и не только его. Сообщи ему, что ГРУ получит имя виновника катастрофы в определённых случаях. Скажи, что сделал хорошую закладку наподобие «мёртвой руки». Никакие подробности не нужны. Он сам должен всё понимать.

– Его этим не напугать.

– Не суди о том, чего не знаешь. Он отлично знает, что мы можем и чего не можем. Это ему решать, а не тебе.

– А у нас есть частная разведывательная компания?

– Есть.

– Что?!

– Работает в основном в Африке. Но денег на неё мало дают. Больше сказать не могу.

– А у СВР есть такая лавочка?

– Насколько я знаю, нет.

– Вы здесь только для того, чтобы узнать подробно о «Марке» и очно расспросить меня?

– Две задачи. Первая и главная – это выяснить всё про «Марка». Вторая – это лично отдать тебе приказ о переходе в режим работы под названием «под наблюдением контрразведки противника».

– Какие есть основания? Что случилось?

– Ничего не случилось. Вся информация, полученная от «Марка», доложена начальнику ГРУ. Он знает все твои возможности, считает тебя бесценным резидентом. Он принял решение переподчинить тебя лично себе.

– То есть он будет обо мне всё знать.

– Конечно, нет. Наш начальник – профессионал высочайшего класса. Он знает, что ты «Вилли». Ещё знает, что ты военное училище окончил: ему это нужно, чтобы понимать твой уровень образования. Но не знает даже, какое конкретно. Даже вопрос такой не задавал. Ещё он знает, что ты из «спящих» и в нашей «консерватории» не учился.

– А что будет, если вас уволят?

– Твоё личное дело переключает в сейф начальника ГРУ.

– Меня беспокоит, что обо мне знают Громов и Коваленко.

– У Громова сын гражданский, но невыездной на всю жизнь, у него допуск по первой форме пожизненный, работает в оборонке на очень высокооплачиваемой должности, инженер-конструктор и гордость отца. Его сын сам по себе ценный носитель информации. Толковый парень. У Коваленко сын троечник и полный балбес. В старших классах я его лично вытаскивал, ему грозил верный срок по малолетке. Сейчас учится на военного следователя в Военном университете. Едва его туда впихнул. Что этому балбесу делать за границей? Пусть жуликов в войсках ловит. Ни сын, ни отец не смогут пересечь государственную границу России без моего личного разрешения или разрешения моего будущего сменщика. В ГРУ правила сильно отличаются от наших смежников. Там у них демократия, а мы вояки, мы прямые, как стол.

– На примерах можете пояснить, как это всё работает? На боевых.

– Понимаю тебя. Хорошо. Слушай. В шестидесятых годах через Германию в Мексику прибыл один наш нелегал, старший лейтенант. Через несколько лет этот уже майор получил от наших разрешение жениться на обворожительной дочери начальника отдела виз и регистрации МВД Мексики Эрнесто Торраго, который и сам потом стал агентом нашей с тобой фирмы. При помощи Эрнесто майор открыл своё дело, вполне успешное. Позже этот майор по указанию моего предшественника раскрылся перед женой, и они начали работать в паре. Классика. И уже его жена завербовала своего отца. Его жена имела к тому времени обширные связи, так как работала штатным корреспондентом газеты «Овасьенес». Она много общалась с политиками и государственными деятелями Мексики, получала большое количество нужной информации. Сформировалась очень сильная агентурная группа. И вот в 1978 году у офицера случается нервный срыв. Он не выдержал. Немного успокоился и сообщил в ГРУ, что прекращает разведывательную деятельность. Наши поняли его и согласились, ведь его жена и тесть продолжили работать. Потом он направил письмо в ГРУ о том, что принял решение навсегда остаться в Мексике. Зачем? То есть не спрашивал разрешения, которое ему наверняка бы дали, а довёл до ГРУ, что он единолично решил. Было очевидно, что всем выгодно, чтобы майор оставался в

Мексике как можно дольше. То есть его заявление – это явный признак вопиющей неадекватности. Наши поняли, что офицер находится в таком состоянии, что может принести нам очень много бед. Ему нужно лечение, соответственно, эвакуация. Но он отказывался возвращаться на Родину. Доложили начальнику ГРУ, и тот принял решение о проведении операции. Офицеру назначили встречу в Лиме в декабре 1978 года под предлогом передачи крупной суммы наличных с условием прохождения обследования и лечения в Мексике. Мой предшественник лично выехал на эту встречу. Новый год майор встречал уже в Москве, в психиатрическом отделении Главного военного клинического госпиталя имени Бурденко. До 1992 года его жена и три дочери ничего не знали, что с ним случилось. Между тем уже в апреле 1979 года офицера выписали из госпиталя, всё, что положено, выплатили, выделили ему в Киеве квартиру и уволили в запас. Работал он в Киеве переводчиком до 1992 года. А потом... В общем, в конце 1992 года он уже был в Мексике и воссоединился со своей семьёй. Живёт счастливо. Эта история получила известность потому, что его жена на почве переживаний и бесконечных поисков безвестно пропавшего мужа тоже довела себя до нервного срыва и попала в руки контрразведки, и отец из-за неё погорел. Отец закончил плохо. Дочь – журналистка, и это её спасло, так как у следствия не нашлось доказательств шпионажа. Позже супруги решили заработать как следует и опубликовали эту историю. У них даже права на экранизацию купили. Заработали. Но суть этой истории вовсе не в вывозе офицера домой и не в его лечении. Он сам быстро вылез. Суть в том, что свою психику надо уметь контролировать, иначе всем будет плохо. Для нас плохо, что произошёл провал очень ценной агентурной группы. Для семьи – полная личная и семейная трагедия. На самом деле психика оказалась у него вполне удовлетворительная. И довёл он себя до нервного срыва сам. От него требовали много общаться и совершенно спокойно собирать информацию. Он же начал заниматься экстремизмом, красть бумаги или их фотографировать, ну и ещё кое-что. Был даже случай, когда он зверски избил офицера ВВС США, отпускника, благо никто ничего так и не узнал. А в то, что майор назывался при этом офицером ГРУ, американцы не поверили. Они отлично знали, что ГРУ ни за что не будет представляться, и все подозрения в наш адрес отпали. Они такое происшествие расценили как действия под чужим флагом, где вывешенный флаг говорит о том, что за этим делом стоит кто угодно, но только не ГРУ. Позже он такие свои действия оправдывал тем, что не мог выполнить требования ГРУ по-другому, и тем, что его начальник направления сильно давил на него. А он старался и всякий раз делал что-то неаккуратно, оставлял следы и сильно переживал, что его могут раскрыть. А поскольку всё это происходило годами, то психика начала подводить. Именно длительность вот такого психологического состояния привела к таким результатам. Отсюда и вторая задача, почему я запросил личную встречу и объяснение введения режима «работа под наблюдением контрразведки противника».

– Понял. Спасибо. А чего он добился тем избиением? И зачем назвался офицером ГРУ?

– Дебил. Полный дурак. Ему ставилась задача завербовать этого подполковника ВВС США. Этот подполковник служил в подразделении, аналогичном нашему штабу тыла ВВС, а конкретно что-то типа нашей авиационно-инженерной службы. То есть владел всей информацией по всем авиaproисшествиям, знал все проблемы и узкие места всей их авиационной техники, потребности в запчастях, он оформлял заявки на предприятия-производители авиационной техники с целью направления заводских бригад в подразделения войскового ремонта и так далее и тому подобное. Наш майор быстро и хорошо вошёл с ним в контакт, но американец не соблазнился деньгами, не клюнул на «медовый метод» и вообще в последний момент категорически послал нашего к чёрту. То есть подполковник всё понял и резко отказался. В ответ наш его избивает, заставляет подписать бумаги и опять избивает – уже совсем по-зверски, до полной отключки. Американец, как только пришёл в себя, сразу позвонил своим и всё сообщил. Жена нашего майора сообщила ему, что местные совместно с американцами намерены всё перевернуть вверх дном и найти преступника. Вот такой эпизод.

– Мне кое-что напоминает. Этот майор не один debil в нашей организации.

– У тебя было очень существенное отличие. Твой агент подписывал бумагу, когда ты имел на него убийный компромат. А этот саму бумагу хотел использовать как компромат и не имел больше ничего. Дебил! Разве его этому учили? Дальше. Ты хоть и самоучка, но, как только добился цели, сразу же стал добрым, рассудительным и так далее. Я правильно говорю?

– Абсолютно.

– А он сорвался и превратился в бешеного зверя, в чмо, потерявшее контроль над собой. Представь, что думал избитый до потери пульса мужик, когда очнулся. Он был унижен и опущен со всех сторон. И пряника вообще никакого не предвиделось. Конечно, он сразу заявил.

– Согласен. Да, это нервы. Мужик заболел, и никто вовремя этого не увидел. А что, мне в случае чего тоже надо будет спрашивать разрешения остаться в США?

– Нет и ещё раз нет. Ты абсолютно свободен. Напротив, мы очень заинтересованы, чтобы ты прожил всю жизнь в США. Тебе будет уже тяжело в России, и нам пользы никакой. Поэтому я здесь и лично передал тебе приказ начальника ГРУ.

– Приказ есть приказ.

– И не в приказе дело... Я очень хотел просто по-человечески, по-людски, по-офицерски, по-дружески тебе втолковать, что это не только приказ, но и моя личная просьба. Моя вторая генеральская звезда – это на семьдесят процентов твоя заслуга. Витя, остановись. Я хоть и далеко, но вижу многое. Ты выполнил все задачи, которые ставились. Ты блестяще справился с задачей по китайцам. У нас два источника только через тебя. Поэтому говорю не только о приказе начальника ГРУ, но и свою личную просьбу озвучиваю.

– А что вы видите?

– Последние события. Это слишком большой риск. Чересчур. Ты не имел права сам решать эту проблему. Это задача главы нашей резидентуры в США, его головная боль. Я, а может, и лично начальник ГРУ поставил бы ему задачу, и только попробовал бы он её не выполнить в срок. У него под рукой в соседних странах всегда есть гастролёры, в США есть «спящие», пусть и немного. Но они есть и ни хера не делают в последнее время.

– Почему?

– Такая установка от Верховного. Если он договорился с ними, а он договорился и дал слово, то он его обязательно сдержит. Он человек слова! И весь мир уверен, что слово Путина – это люминий, это ни хера не чугуний. А ты ненароком нарушил обязательства Верховного. Знаешь, что за это бывает?

– Мне уже страшно.

– Впредь такой самостоятельности быть не должно. Ты многого не знаешь, поэтому можешь наделать дел. Для этого-то и нужны командиры. Доложи! Куда ты прёшь, как танк с бульдозерным оборудованием? Или ты мне не доверяешь?

– Я боялся засветиться перед нашей резидентурой.

– Это понятно. Но, поверь, мне бы хватило ума и сообразительности всё нормально сделать. Не буду я тебя перед ними светить. Им это вообще не нужно. Только в случае экстренной эвакуации.

– А что там у жены моей будет? Знаете?

– Мы согласовали этот вопрос. Знаю точно, что ей запретят какие-либо новые вербовочные подходы. Это точно.

У Вильте разговор с генералом Александровым прошёл примерно в том же духе.

В этом отпуске сошлись в одну точку давнее наше желание остановиться и беспокойство нашего командования. Как следствие – требование остановиться. Именно так мы и решили с Вильте. Всё! Стоп!

Я и не думал нарушать приказ ГРУ, не помышлял нарушать условия договора со своей женой.

Кроме прочего, генерал Крупин разъяснил мне необходимость создания своего собственного дела, без участия жены. Я должен стать крупным акционером хорошей компании и желательно вместе с Ричардом. Постепенно двигаться к тому, чтобы не зависеть от должности генерального менеджера и хорошо зарабатывать на дивидендах. Тем самым получить большую, чем сейчас, свободу действий.

Сам часто подумывал о подобном, и давно, но не видел возможностей реализовать желаемое – тут у нас с начальником получилось обоюдное полное согласие.

Генерал Крупин предупредил, что в ближайшее время ко мне придут соответствующие рекомендации из Индии. Моих знаний на такое не хватит. Всё-таки у меня мышление не бизнесмена, не предпринимателя.

Глава 2

По возвращении из отпуска с лёгким сердцем занялся делами своей компании.

За два дня предупредил о совещании Кейси, Сью и Тони. Они должны были заблаговременно направить мне свои соображения о предстоящей реформе по рабочей электронной почте. Но предложений не поступало, и меня это сильно напрягало...

Накануне совещания ко мне в кабинет пожаловала Сью. Повод был очень правильный и обоснованный: она торжественно представила мне оригиналы актов приёмки работ, подписанные со стороны мэрии Буффало, и благодарственное письмо (наподобие грамоты). В общем, всё, что она мне показала, – это уже грамоты. Она могла мне всё это сообщить по электронной почте. Именно так она докладывала об очередных подписанных актах выполненных работ. В конце каждой недели я получал ещё и сводную таблицу с нарастающим итогом. Поэтому ждал от неё чего-то другого. Догадался, что Сью хотела прийти и поговорить со мной.

Обговорили с ней дела в Буффало.

– Сью, у тебя всё?

– Я ещё хотела с тобой поговорить по одному вопросу.

– Какому?

– По этой системе менеджмента качества.

– Завтра совещание, там и обговорим. Сегодня крайний день для подачи своих предложений.

– Виктор, всего не напишешь.

– Ну, тогда говори. Что там не напишешь?

– Получается, что Кейси будет меня контролировать.

– Она мой первый заместитель.

– Это понятно. А ты не мог бы отдел внутреннего аудита и контроля подчинить непосредственно себе?

– Зачем?

– Она не даст мне спокойно работать. И ничего она не забыла и не простила мне. Она очень злопамятная.

– А ты?

– Я отходчивая.

– Чего тебе бояться?

– В данный момент непосредственной угрозы нет.

– Ну, и в чём дело?

– Ты сам не понимаешь?

– Нет.

– Она всё рассказывает своему партнёру. По всем вопросам с ним советуется, плачется ему.

– Ты это откуда знаешь?

– Могу тебе доказать, что она много документов таскает домой в своём портфеле.

– Это запрещено.

– А ей плевать!

– Откуда ты знаешь, что она там в портфеле носит?

– Виктор, проверь её, и мне не надо будет ничего доказывать.

– Напомни мне, что она нарушает?

– Я с собой захватила нашу распечатанную политику конфиденциальности. Там маркером выделила самое важное. Ричард всегда к этому документу очень серьёзно относился. Там есть несколько категорий информации. Три из них категорически отнесены к сведениям,

составляющим инсайдерскую информацию, отнесённые к ней сведения запрещено вообще отправлять кому-либо без твоего личного разрешения, а документы выносить из офиса.

– Кейси это хорошо знает. Уверен в этом.

– Конечно! Но сегодня она затребовала материалы всех последних советов директоров, что в очной форме, что в заочной. Возможно, в конце рабочего дня вернёт, но в её кабинете стоит копировальная машина. Зачем она ей, если есть секретари?

– Интересно.

– Виктор, ей очень не нравится эта твоя реформа.

– Почему?

– Потому что она не дура и понимает, что после неё она быстро окажется на лопате.

– На чём?

– На лопате. Так говорят, когда уже понятно, что тебя выкинут с работы.

– Смешно. Кейси это не грозит. Потому что таких мыслей у меня нет.

– Она понимает, что после реформы она, такая вся из себя умная, будет вообще не нужна.

Это суперсистема. К тому же зачем такие деньги тратить на целого первого заместителя?

– Допустим. Зачем ей эти документы дома?

– Она ищет что-то. Что-то такое, чтобы подсидеть тебя. Или даже хуже.

– Что ты имеешь в виду?

– Её сожитель из ФБР. А Ричард у нас кто?

– Ты думаешь...

– Да! Эти мерзкие ищейки всегда этим подрабатывают. Найдёт что-то, и поднимется скандал. Ричард окажется под ударом.

– Может быть и такое. Согласен. Но почему тебя это беспокоит?

– Что непонятного? Ну ты даёшь! Как только она станет генеральным менеджером, что будет со мной?

– Убедительно.

– Или даже если не её назначит Ричард, а кого-то другого, то мне всё равно придётся искать новую работу. Это просто закон такой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.